

УДК 81'44(=622.82)

В.И. Беликов

Что даёт классификация языков Восточной Полинезии?

What does classification of languages of Eastern Polynesia give?

Основным спорным моментом в классификации восточнополинезийских языков является положение гавайского. Первоначально он был отнесен к таитянской подгруппе, но позднее возобладала точка зрения о его принадлежности к маркизской подгруппе. Последний раз аргументация в пользу этой точки зрения предлагалась в работе Дж. Марка "Topics in Polynesian Language and Culture History" (2000), аргументация которого основывалась на спорадических звуковых изменениях, затрагивающих отдельные слова. В настоящей статье оспариваются доводы Дж. Марка и доказывается что лексические инновации, разделяемые отдельными языками, с большим успехом могут считаться результатом многочисленных языковых контактов.

Ключевые слова: *Восточная Полинезия, классификация языков, сравнительная лингвистика, языковые контакты.*

Within the Eastern Polynesian branch of the Austronesian language family the position of Hawaiian is the most controversial. Primarily, it has been assigned to the Tahitic subgroup, but now it is usually considered to be a Marquesic language. The last thorough reasoning for this classification was presented in "Topics in Polynesian Language and Culture History" by J. Marck (2000), who mainly relies on sporadic sound changes in certain lexical items. The article proves that his argumentation is not valid enough and argues that the lexical innovations shared by some Eastern Polynesian languages may be more reasonably explained by language contact.

Key words: *Eastern Polynesia, classification of languages, comparative linguistics, language contacts.*

Под классификацией языков чаще всего понимается схематическое распределение языков по разным семьям, подразделяющимся на группы и подгруппы разного уровня, что графически часто изображается с помощью дерева; по традиции такая классификация именуется "генеалогической"¹, так что уже название порождает идею родства у всякого, знающего слово *генеалогия*. Само собою предполагается, что на конкретной ветке древовидной классификации оказываются языки, входящие к единому языку-предку, более родственные между собой, чем с остальными размещенными на дереве языками. Однако дело обстоит не всегда так. Идея о разделении славянских языков на три группы в массовом сознании приобрела характер общего места. Однако специалисты

¹ Есть еще типологические и иные классификации, но от них отвлечемся.

с недавних пор считают положение более сложным: "родословное древо по отношению к славянским, как и применительно ко многим другим языкам, является удобным схематическим упрощением, но оно в очень малой степени отражает реальные исторические процессы развития диалектов" [3, с. 96]. Взаимоотношение длительное время находившихся в контакте близкородственных языков нельзя описать лишь дивергентными процессами, мало того, серьезные классификационные проблемы ставит и конвергенция неродственных языков; многие из них в рамках традиционной компаративистики неразрешимы [2].

Реальность регулярных контактов полинезийцев, разделенных многими сотнями километров водного пространства, была очевидна еще европейским первооткрывателям Океании. Ко времени появления океанистики как науки большие катамараны, вмещавшие десятки человек и не уступавшие по мореходным качествам европейским парусникам конца XVIII в., уже вышли из обихода; сложилась традиция именовать любые суда океанийцев скромным словом *каное*. Статьи, посвященные астрономическим и навигационным знаниям микронезийцев и полинезийцев изредка появлялись в специальных изданиях, но в середине XX в. большинству этнографов "из общих соображений" было "ясно", что при отсутствии навигационных приборов целенаправленные плавания на большие расстояния невозможны. Большим авторитетом пользовалась теория Эндру Шарпа о дрейфовом характере заселения Полинезии [16]. С появлением электронной техники популярной стала идея выяснить все подробности расселения полинезийцев при помощи компьютерного моделирования течений и ветров в разное время года. Наиболее обстоятельное такое исследование [11] в деталях обескураживало: некоторые территории, и крохотные, как остров Пасхи, и внушительные, как Новая Зеландия, не имели никаких шансов быть заселенными при помощи случайных дрейфов.

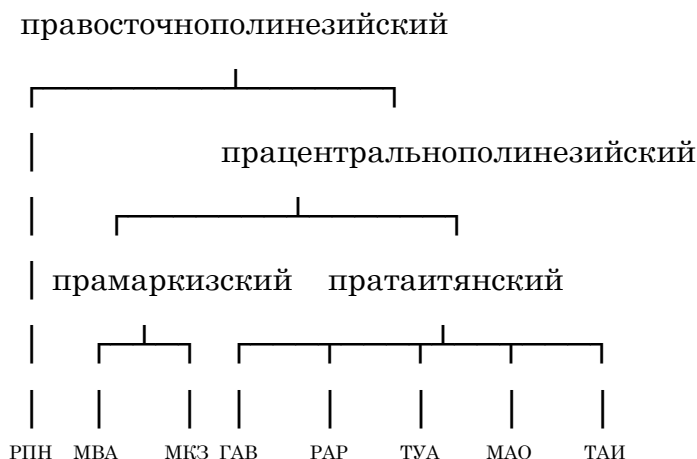
Сам я обратился к восточнополинезийской компаративистике из романтического желания найти "чистый" материал: интересно было посмотреть, как соотносятся языковые традиции, разделившиеся многие сотни лет назад и до появления европейцев не имевшие никаких внешних контактов. Детально проанонсированное первое плавание "Хокуле'а" [10] я поначалу воспринял как спортивно-рекламное мероприятие, но этому судну было суждено поставить жирный крест на концепции Э. Шарпа¹.

Взгляды этнографов и историков на прошлое Океании к концу XX в. кардинально изменились. Пожалуй, лучше всего их сформулировал Эпели Хау'офа, уроженец атолла микронезийского атолла Сатавал. При использовании мир как *море островов*, а не как *острова в далеком море*"; "они плавали от острова к острову чтобы торговать и жениться, расширяя таким образом сеть социальных связей" [9]. Но лингвисты в основном продолжают игнорировать очевидность: регулярность и массовость межостровных контактов, которые, особенно имея в виду небольшую численность ранних полинезийских популяций, не могли не иметь серьезных языковых последствий.

---

¹ Построенный в 1976 г. катамаран "Хокуле'а" представляет собой повторение полинезийских судов прошлого; полинезийцев, имевших навыки традиционного мореплавания, уже давно не было, функции штурмана-наставника в первых плаваниях выполнял Мау Пиайлуг, уроженец атолла микронезийского атолла Сатавал. При использовании лишь традиционных методов навигации "Хокуле'а" в течение 1 мая – 4 июня 1976 преодолела расстояние от Мауи до Таити, а 5–26 июля прошла обратный путь на Гавайи, покрыв в оба конца расстояние в 5400 морских миль. В 1985–1987 гг. было предпринято грандиозное плавание "Voyage of Rediscovery"; сменные экипажи прошли 16 тыс. миль по маршруту Гавайи – Таити – о-ва Кука – Новая Зеландия – Фиджи – Самоа – о-ва Кука – Раиатеа – Таити. Позднее "Хокуле'а" плавала с Гавайев в Японию и обратно.

Первая классификация восточнополинезийских языков была предложена С.Х. Элбертом [6], опиравшимся на фонетику и лексикостатику, и имела следующий вид¹.

Р. Грин [8], однако, вскоре перенес гавайский в маркизскую подгруппу, считая его особенно близким южномаркизскому диалекту, имплицитно отрицая статус маркизского как языка. После Р. Грина близость гавайского к южномаркизскому не упоминается, однако сама отнесенность его к этой группе считается очевидной.

К этой же подгруппе были отнесены не классифицировавшиеся ранее языки, информация о которых скудна: вымерший в начале XX в. мориори (острова Чатем к востоку от Новой Зеландии) и рапа (на одноименном острове на юге Французской Полинезии) [8, p. 32-33]. В качестве обоснований своей классификации Грин отмечал фонетические переходы $k > ?$ и $\eta > n$, разделяемые гавайским с южномаркизским, а также "имеющиеся данные о том, что до последнего времени l преобладало над r (...) в рапа, гавайском, маркизском" [8, p. 32], в то время как в пратаитянском плавная выступала в виде $*r$. Наряду с фонетикой, Р. Грин опирался в своей классификации на лексикостатистические подсчеты и выявил ряд лексических инноваций для каждой из восточнополинезийских подгрупп. Гавайский разделяет то те, то другие, но все случаи появления в нем "сугубо таитянских" единиц считаются заимствованиями.

Многочисленные археологические раскопки на Гавайях существенно поменяли картину их заселения: постепенно большинство специалистов признало первопоселенцев выходцами с Маркизских островов, а появление там таитян стали относить к концу I тыс. или даже к XII – XIII векам. Пересмотрел свою точку зрения и основатель полинезийской компаративистики С. Элберт, согласившийся с переносом гавайского в маркизскую подгруппу и представивший ряд новых гавайско-маркизских лексических параллелей [7, p. 510-511].

Попробуем, однако, верифицировать аргументацию Р. Грина. В нашем распоряжении имеется несколько гавайских словариков, собранных в конце XVIII – начале XIX века первыми европейскими посетителями

¹ Здесь и ниже используются следующие сокращения: ПОК: праокеанийский, ПТА: пратаитянский, ПЦП: працентральнопoлинезийский, ПВП: правостоchnополинезийский, ППН: праполинезийский, ГАВ: гавайский, МАО: маори, МВА: мангарева, МИА: мангаиа, МКЗ: маркизский, МКС: маркизский сев., МКЮ: маркизский южн., МРА: манихики-ракаханга, НИУ: ниуэ, ПУК: пукапука, РАР: раротонга, РПН: рапануи, ТАИ: таити, ТВА: тонгарева, ТУА: туамоту.

архипелага, а также отражение топонимии и антропонимии в их записках.

Сопоставление гавайских словников путешественников XVIII – начала XIX вв., а также материалов дискуссии при унификации гавайской орфографии (1829) показывает, что передвижение согласных началось именно в это время и шло с востока на запад в такой последовательности: $\eta > n$, $t > k$, $r > l$ [1]. Против генетической близости гавайского именно к южномаркизскому есть еще один аргумент из области консонантизма. В южномаркизском сохраняется противопоставление двух фрикативных – f ($< *f$) и h ($< *s$), в гавайском (а также целом ряде других восточнополинезийских языков, см. Табл. 1) они совпали.

Таблица 1

Правосточнополинезийский	*p	*t	*k	*m	*n	*ŋ	*ʔ	*f ¹	*s	*v	*r
рапануи ²	p	t	k	m	n	ŋ	ʔ	h	h	v	r
тонгарева	p	t	k	m	n	ŋ	∅	h	s	v	r
маори	p	t	k	m	n	ŋ	∅	φ	h	w	r
мориори	p	t	k	m	n	ŋ	∅	hw	hy	w	r
раротонга	p	t	k	m	n	ŋ	∅	ʔ	ʔ	v	r
манихики-ракаханга	p	t	k	m	n	ŋ	∅	h	h	w	r
таити	p	t	ʔ	m	n	ʔ	∅	f ³	h	v	r
тубуаи	p	t	ʔ	m	n	ŋ	∅	h	h	v	r
руруту	p	t	ʔ	m	n	ʔ	∅	ʔ	ʔ	v	r
рапа	p	t	k	m	n	ŋ	∅	ʔ	ʔ	v	r
туамоту	p	t	k	m	n	ŋ	∅	f/h	h	v	r
мангарева	p	t	k	m	n	ŋ	∅	ʔ	ʔ	v	r
маркизский сев.	p	t	k	m	n	k	∅	h	h	v	ʔ
маркизский южн.	p	t	ʔ	m	n	n ⁴	∅	f	h	v	ʔ
гавайский ⁵	p	k	ʔ	m	n	n	∅	h	h	w	l

Посмотрим на вокализм. Пятичленная треугольная праполинезийская система в целом сохраняется неизменной во всех языках, однако в маркизском и мангарева имеется отчетливо выраженная тенденция к прогрессивной ассимиляции в некоторых контекстах: $a > o$ непосредственно перед u , $a > e$ перед i (реже перед u и e) следующего слога. Гавайский этой тенденции не разделяет, ср. примеры в Табл. 2.

При "случайных", единичных звуковых изменениях в отдельных словах гавайский также нередко противопоставляется маркизскому

¹ Во всех языках, кроме рапануи, рефлекс первого $*f$ в словах с начальным $*faf$ - соответствует рефлексу $*v$.

² Рапануи – единственный восточнополинезийский язык, сохранивший (нерегулярно) праполинезийскую гортанную смычку.

³ Есть примеры перехода $f > h$ неясного происхождения.

⁴ В диалекте долины Таипиваи исконное $*ŋ$ сохранилось.

⁵ В диалекте о. Ниихау переходы $*t > k$ и $*r > l$ не завершены, $t \sim k$ и $r \sim l$ находятся в свободном варьировании.

Таблица 2

ПВП	значение	МКЗ	МВА	ГАВ	ТАИ	МАО
*tau?a	‘война’	toua	toua	kaua	taua	taua
*taura	‘веревка’	tou’a	toura	kaula	taura	taura
*tafito	‘древний’	tehito	te’ito	kahiko	tahito	tawhito
*atua	‘божество’	etua	etua	akua	atua	atua
*takere	основание; киль судна	teke’e	tekere	ka`ele	ta`ere	takere

и мангарева, ср. рефлексы праполинезийского **ta(a)?oŋa* ‘ценная собственность, особенно одежда’, где в “безусловно-маркизских” языках *ao>o* (МКЗ *tona* ‘нечто ценное’, МВА *tonga* ‘плащ из тапы’), а в остальных восточнополинезийских, включая гавайский, исконный вокализм сохраняется (ТАИ *tao’a* ‘собственность, богатство’, МАО *taonga* ‘ценность’, ГАВ *kaona* ‘скрытый смысл в поэзии’). И наоборот, инновация может затронуть часть таитяньских языков и гавайский, а в остальных рефлексы закономерны: у ПВП **uso* ‘пуповина, сущность’ вокализм остается неизменным в МКЗ *uho* ‘(самая) суть’, МВА *u’o* ‘пуповина, суть’, ТУА *uho* ‘пуповина’, но в ряде таитяньских языков (и гавайском) *u>i*: ТАИ *iho* ‘суть, пуповина’, РАР *i’o* ‘суть, пуповина’, ГАВ *iho* ‘сердцевина; сущность; смысл’. Ср. еще незакономерную утрату *m* в гавайском и таитяньском наименовании батата (*Ipomoea batata*), интродуцированного из Южной Америки после разделения правосточнополинезийского: ГАВ *’uala*, ТАИ *’uara*, МАО, МВА *kuumara*, ТУА, *kumara*, МКС *kuuma’a*, МКЮ *’uuma’a*.

Грамматические аргументы при субклассификации восточнополинезийских языков мне не встречались, но некоторые факты стоит упомянуть. Рефлексы ППН **kua* (перфективность) во всех восточнополинезийских языках двусложны (ГАВ *ua*, с незакономерной утратой начальной смьгчки), лишь в маркизском и мангарева представлено чередование: МКЗ *’ua~’u*, МВА *kua~ku*. Рефлекс ППН **ka* (инцептив) в маркизском имеет значение императива, в мангарева – императива и будущего; в рапануи – инцептива и императива, в маори, раротонга, таити, туамоту – инцептива, в других восточнополинезийских, включая гавайский, рефлекс отсутствует. Э. Поли [14] реконструировал правосточнополинезийский показатель длительного действия **tE...nei~ra*, однако рефлекс его представлены лишь в четырех языках: РАР, ТУА *tee...nei~ra*, ТАИ *te...nei~ra*, ГАВ *ke...nei~la*. Упомяну также показатель императива **e* с рефлексами только в маори, таити, гавайском, оставшийся незамеченным широкой научной общественностью. Как видим, маркизский и мангарева в использовании ряда грамматических показателей противопоставлены другим языкам.

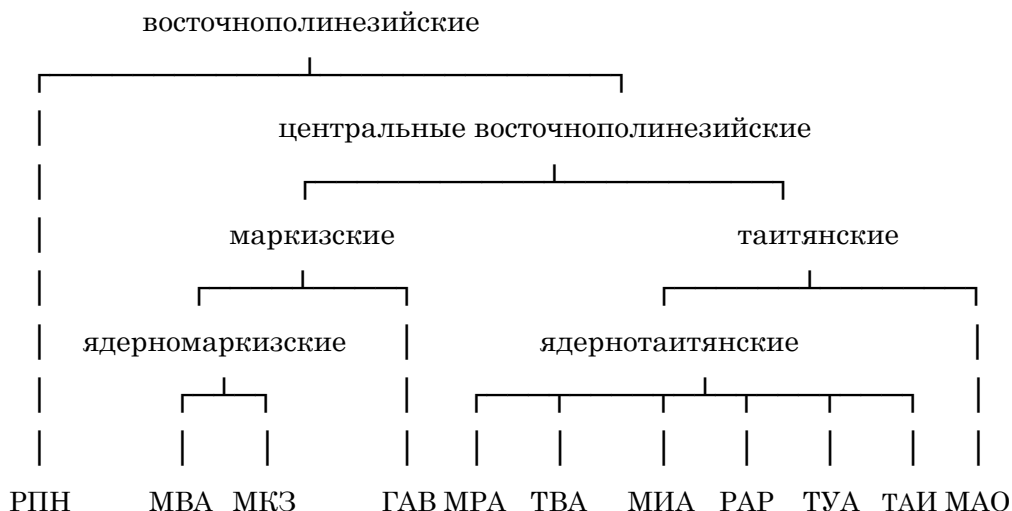
С. Элберт [7] указывает на ряд семантических инноваций, разделяемых гавайским с маркизским и мангарева; им также можно противопоставить противоположные примеры. Так, рефлексы ПВП **kuru* (‘слово; нечто сказанное’) соответствуют реконструируемому значению в маори, раротонга и туамоту, в других языках семантика рефлекса заметно модифицируется: в таити – ‘молитва в стихах, обычно короткая’, в ГАВ – ‘периодически повторяющаяся мысль; сильно желать, ожидать’, в маркизском – ‘оскорблять’, в мангарева – ‘проклинать’. Инновативная отрицательная коннотация, присутствующая в маркизском и мангарева, другим языкам не свойственна. Рефлексы ПВП **sapai* ‘поднимать, нести в руках’ в большинстве языков, включая гавайский, также сохраняют

реконструируемое значение, при том, что МКЗ *hapai* и МВА *'apai* означает только 'поднимать'. Однако в Восточной Полинезии по-настоящему добротный словарь имеется лишь для гавайского, так что опираться на детализацию значений вряд ли стоит.

Только что перечисленные факты не призваны иллюстрировать какую-то особую лексическую близость гавайского именно к языку таити или удаленность от маркизского, тем более, что гавайско-маркизских схождения в лексике достаточно много. Но последние обычно не имеют параллелей в мангарева и относятся к различным пластам культурной лексики, ср.: МКЗ *'anahu*, ГАВ *lānahu* 'уголь' (метатеза по сравнению с представленными в других языках, включая мангарева, рефлексами ПВП **ŋālafu*); МКЗ, ГАВ *mano* 'четыре тысячи' (в других языках известно в значении 'тысяча'); МКЗ *ake*, ГАВ *a'ea'e* 'разновидность банана'; МКЗ, ГАВ *pana* 'лук и стрелы'; МКЗ *kaka*, ГАВ *'a'a* 'мешок, карман'; МКЗ *kaihue*, ГАВ *'aihue* 'воровать' (у Дордильона маркизское слово имеет загадочную помету *mot étranger*); МКЗ *paki-uma*, ГАВ *pa'i-uma* 'танец с ритмичными ударами по груди/животу' (точнее, "espèce de jeu qui consiste à frapper en cadence sur la poitrine" [5] и "chest-slapping hula" [15]). В базисной лексике есть, кажется, лишь одна мангарева-маркизско-гавайская инновация, параллели которой в других языках не представлены: МВА, МКЗ *teko*, ГАВ *ke'o* 'белый'.

При классификации близкородственных языков с недокументированной историей оперировать данными лексики чрезвычайно трудно, поскольку мы постоянно сталкиваемся с заимствованиями, в которых произведен фонетический пересчет. Показательны, например, такие русско-украинские соответствия, как *большевик* > *більшовик*, *хлебобор* < *хлібороб*: мы воздерживаемся от построения их древнерусских "форм" исключительно по экстралингвистическим соображениям.

Примеры нестандартных фонетических замен и семантических переходов могли бы оказаться чрезвычайно полезны для детальной классификации, если бы находились достаточно многочисленные группы слов, для которых идиосинкретическое фонетическое и семантическое развитие шло бы однотипно в различных языках. Именно это и декларирует Дж. Марк, предложивший видоизмененную классификацию полинезийских языков, все новшества которой основываются на нерегулярных звуковых изменениях в отдельных словах [13, p. 128-131]; ее восточнополинезийская часть выглядит так:

Новая классификация получила уже широкую известность и была высоко оценена: "классификация Марка <...> основана на тщательном изучении спорадических звуковых изменений, то есть изменений, затронувших отдельные слова, и поэтому случайное совпадение [изменений в отдельных языках] представляется особенно невероятным. Поэтому к ней [классификации] следует отнестись очень серьезно; возможно она осветит [spark] дальнейшие исследования в полинезийской классификации" [12, p. 116]. Как результат, именно она была интегрирована в недавнюю детальную классификацию океанийских языков [12, p. 888-890].

Дж. Марк вполне справедливо указывает, что "праатаитянский и прамаркизский не отличаются от працентральнополинезийского какими бы то ни было регулярными изменениями согласных (или гласных)" [13, p. 25]. Идеосинкретические вокалические изменения в маркизском и мангарева, послужившие мне основанием для исключения гавайского из маркизской группы (см. Таблицу 2.), Марк использует для разделения маркизской группы на гавайский и ядерномаркизскую подгруппу. В этом могла бы быть логика, если бы существование таитянской подгруппы и непринадлежность к ней гавайского имела бы самостоятельную аргументацию. Такая аргументация у Марка имеется.

Спорадических звуковых изменений в области консонантизма для таитянской группы он не находит, в области вокализма таковые затрагивают 10 слов [13, p. 134]. Табл. 3. основана на аналогичной таблице Марка, однако строки переупорядочены для удобства изложения, справа добавлен столбец с рефлексами в современных языках в три строки: языки, относимые Марком к таитяским (незакономерные рефлекссы приведены в скобках после названия языка, отличия в долготе гласного не отмечаются); далее – маркизский и мангарева; затем гавайский. Отсутствие строки или упоминание языка в этом столбце означает, что соответствующие рефлекссы неизвестны; основой для заполнения этого столбца послужила база POLLEX [4], гавайская строка заполнялась по словарю Пукуи и Элберта [15].

ПТА *nopo в первой строке – явное недоразумение. Реконструкция ПЦП *nopu (достаточно конкретный "вид растения", а именно, *Morinda citrifolia*) закономерным образом продолжает праполинезийский и праокеанийский этимон, при этом вне Восточной Полинезии рефлекссы ППН *nopu регулярны (кроме *nupu* в меле-фила). Среди восточнополинезийских языков "правильный" рефлекс (*nopu*) представлен в мангарева и мангаиа; в манихики-ракаханга идиосинкретическая замена коснулась первого гласного (*nenu*). Форма *nopo* отмечена в таити, туамоту, раротонга, а также в первой морфеме маорийского *nono-kia* ('*Pomaderris aratela*', *Morinda citrifolia* в новозеландской флоре не представлена); в аитутаки произошла незакономерная замена обоих гласных (*nano*). В маркизском представлены две новые формы – *nopo* и *nopi*, в гавайском – только *nopi*¹. Оставаясь на позициях Марка, придется признать, что после распада праядерномаркизского и праядерноатаитянского в половине упомянутых языков (мангаиа, манихики-ракаханга, аитутаки, маркизском, гавайском) либо проходили идиосинкретические замены, либо межъязыковые контакты имели интенсивный и достаточно хаотичный характер, либо и то и другое.

В примерах 2 и 3 в маркизском и мангарева наследие праполинезийского этимона отсутствует. Для примера 2 в базе POLLEX (а именно на нее опирается Марк) на праполинезийском уровне восстанавливается форма *toko-mahuru, что закономерным образом должно бы давать ПЦП *toko-mauru, однако в этой базе есть лишь один восточнополинезийский

¹ В фиджийском ПОК *nopu дает тот же нерегулярный рефлекс *nopi*.

рефлекс: МАО *tokomauri* – основание для пратаитянской или любой другой реконструкции достаточно шаткое. В действительности существует и гавайский рефлекс *mauli'awa* 'икать, хрипеть перед смертью' (слово явно двухморфемное, но на гавайском материале неэтимологизируемое). Тем самым, оставаясь на позиции Марка и относя гавайский к числу маркизских языков, праформу **mauri* следовало бы считать восточнополинезийской инновацией, не таитянской. Однако вариант **ma(h)uri*, возможно, "старше" восточнополинезийского уровня, ср. *tokomauri* во внешнеполинезийском языке тикопиа и *masori* в ротума с тем же значением 'икать'.

Таблица 3

ПЦП	ПТА	значение	рефлексы в дочерних языках
1. <i>*nonu</i>	<i>*nono</i>	'plant sp.'	(см. в тексте)
2. <i>*toko-mauru</i>	<i>*tokomauri</i>	'hiccup'	МАО ГАВ <i>mauli'awa</i> .
3. <i>*ka(a)tafa</i>	<i>*kootaha</i>	frigate bird	МИА, МРА, РАР, ТВА, ТАИ, ТУА
4. <i>*katafa</i>	<i>*kootaha</i>	'bird's nest fern'	РАР, ТАИ, ТУА (<i>kookaha</i>) МКЗ 'au <i>ketaha</i> ГАВ 'akaha~'eekaha,
5. <i>*taga-amimi</i>	<i>*tongaamimi</i>	'bladder'	МАО, РАР <i>toongaamimi</i> , ТУА <i>toŋaamimi</i> МКЗ <i>tuumimi</i>
6. <i>*rimu</i>	<i>*remu</i>	'moss, seaweed'	РАР, ТВА, ТАИ, ТУА, МАО (<i>remuremu</i>) МКЗ 'imu ГАВ <i>limu</i>
7. <i>*urufe</i>	<i>*aruhe</i>	fern sp.	МАО, МОР, ТАИ (<i>anuhe</i>), ТУА (<i>anuhe</i>) МКЗ <i>u'uhe</i> . ГАВ <i>uluhe~unuhe</i> .
8. <i>*tuhunga</i>	<i>*tahunga</i>	'priest'	РАР, ТАИ, ТУА (<i>tahuuŋa~tohuuŋa</i>) МКЗ <i>tuhuka</i> ГАВ <i>kahuna</i> ,
9. <i>*kumi</i>	<i>*kimi</i>	seek	МАО, РАР, ТАИ, ТВА, ТУА МКЗ 'umihī. ГАВ <i>imi</i>
10. <i>*mutie</i>	<i>*matie</i>	'grass'	МАО, РАР, ТАИ МКЗ, МВА <i>mutie</i>

Пример 3 демонстрирует одинаковую инновацию в шести восточнополинезийских языках, но статус ее неясен в виду отсутствия рефлексов в маркизских языках. Между тем на восточной периферии Западной Полинезии представлены следы той же самой инновации: НИУ *kootaa* 'Fregata sp.', ПУК *kootawa* 'Fregata ariel'. Ниуэанская форма с утратой последнего согласного добавляет мало нового, поскольку заимствование из ближайшего восточнополинезийского языка раротонга должно выглядеть именно так, зато *w* в пукапука отражает **f*, тем самым инновацию в этой форме придется признать либо независимой от восточнополинезийской, либо заимствованием из раннего восточнополинезийского источника, до того как там произошел переход **f* > **h* в интервокальной позиции. При втором решении (более естественном) реконструкция **kootafa* получит более высокий статус, чем пратаитянский¹.

Рефлексы ППН **katafa* 'Asplenium nidus'² (пример 4) демонстриру-

¹ В отсутствии рапануйских рефлексов точно его определить нельзя.

² Использованное Марком английское *bird's nest fern* шире по значению. В Австра-

ют нестандартную замену первого гласного как в таитянских языках, так и в маркизском. Гавайский дублет несколько сбивает с толку, поскольку один из его вариантов соответствует маркизскому, а другой, *'aakaha*, качеством первой гласной демонстрирует единственный в Восточной Полинезии "правильный" рефлекс ППН **katafa*. Либо гавайский сохранил эту форму (и тогда этот язык оказывается архаичнее таитянско-маркизских инноваций), либо это инновационный вариант, случайно совпавший вокализмом с праполинезийским этимологом. При второй интерпретации центральнополинезийская реконструкция Марка условна, при первой она справедлива, но противоречит принятой им классификации.

В примере 5 в маркизском произошла достаточно радикальная инновация. Реконструкция **tongaamimi* получает пратаитянский, а не працентральнополинезийский статус лишь на том шатком основании, что переход **tangaamimi > tuumimi* признан более вероятным, чем **tongaamimi > tuumimi*.

В оставшихся пяти примерах (6, 7 и 8, 9, 10) ситуация выглядит более ясной: в маркизском представлены закономерные рефлексы праполинезийских форм, таитянские же языки демонстрируют общую инновацию. Однако за первой в этом ряду пратаитянской реконструкцией **remu* скрывается лишь часть правды. К числу закономерных рефлексов ППН **limu* в Восточной Полинезии относятся не только МКЗ *'imu* и ГАВ *limu*, но также *rimu* в маори, раротонга, таити, туамоту; в трех последних они семантически не противопоставлены *remu*, по крайней мере это не отражено в дефинициях (в таити, например, для обоих дублетов дается значение 'мох, водоросль, лишайник')¹. Значит, пратаитянская инновация, если ее усматривать, заключалась в появлении дублета. Но утверждению нового варианта **remu* полинезийские лексиконы должны были сопротивляться, поскольку его появление приводило к омонимии: ППН **lemu* 'анус' > ПЦП **remu* 'ягодицы' (такое значение представлено в ГАВ *lemu*, МАО, ТУА *remu*). Омонимия в туамоту вкупе с данными других языков подталкивает к выводу, что на каком-то историческом этапе восточнополинезийский лексикон характеризовался довольно неустойчивой особенностью: сосуществовали сегменты *rimu* и *remu*, первый из которых имел значение 'мох, водоросль', а второй был двусмыслен: 'мох, водоросль; ягодицы'. Причины возникновения подобной ситуации вряд ли когда-нибудь прояснятся, но системное стремление к ее устранению кажется вполне естественным. И действительно, сохранилась она только в туамоту, но однозначно утверждать, что дублет *rimu~remu* возник в пратаитянском, а не ранее, – трудно.

Следующая реконструкция, ПТА **aruhe*, также ставит определенные вопросы. Строго говоря, такая реконструкция основывается на материале лишь двух языков: маори и мертвого и фрагментарно документированного мориори (последний, напомним, Р. Грином был предположительно отнесен к маркзской подгруппе, впрочем, без должного обоснования); данные гавайского, учитывая сохранение начального *u*, но переход плавного в *n*, как в таити и туамоту, двусмысленны.

Пример 8, семантика которого в реконструкции Марка оказывается неожиданно узкой (практически во всех полинезийских языках наряду со значением 'жрец' отмечается также и 'эксперт в своей области; умелый ремесленник'), демонстрирует закономерное развитие ППН **tufunga* в маркизском и нестандартные изменения в других центральнополинезийских; важно отметить МАО *tohunga*, совпадающее с одним

лии, где издана книга, оно обычно относится к местному виду *A. australasicum*.

¹ В маори имеется *remuremu* 'вид растения' и *rimu* 'водоросль, мох'; считать ли первое слово наследием "пратаитянского" **remu* – вопрос деликатный.

из туамотуанских дублетов. Гавайское *kahuna* Марк считает заимствованием из таити; обоснование такому решению не требуется, поскольку принадлежность гавайского к маркизской подгруппе считается *a priori* заданной.

Сходным образом объясняется и пример 9: общеполинезийская ретенция в маркизском, инновация в таитянских, гавайская форма заимствована.

Наконец, последний пример являет собой идеальный случай: в маркизском и мангарева представлена ретенция праполинезийского, в маори, раротонга и таити – инновация.

Представляется, что анализ таблицы позволяет сделать лишь такие выводы: 1. Маркизский язык в ряде случаев противопоставлен остальным центральнополинезийским (примеры 5, 7-10, вероятно, 6); в единственном случае, где представлен рефлекс в языке мангарева, он ведет себя так же, как маркизский. 2. Основанием к выделению таитянских языков в отдельную подгруппу, отчетливо противопоставленную маркизской как единственному другому члену центральнополинезийской группы языков, могут служить примеры 8-10, но при этом не будет никаких оснований для отнесения гавайского к маркизской подгруппе.

Одну свою старую работу я закончил выводом: "классификация Элберта больше соответствует данным фонетики и грамматики, чем классификация Грина, и имеются все основания отнести гавайский язык к таитянской подгруппе" [1, с. 12]. Оставаясь на строгих позициях компаративистики, я мог бы повторить это и сейчас. Однако я скорее склонен отрицать наличие самой таитянской подгруппы как некоего собственно генетического единства. Общие черты "таитянских" языков проще объяснить взаимными контактами. Аргументы в пользу противопоставления рапану остальным языкам Восточной Полинезии более весомы, но их немного. Учитывая слабую изученность рапануйского лексикона, трудно быть уверенным, что специфика этого языка имеет генетическое, а не контактное происхождение.

Литература

1. Беликов В. И. К вопросу об основаниях генеалогической классификации // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М.: Изд. МГУ, 1980. с. 5 – 12.
2. Беликов В. И. Языковые контакты и генеалогическая классификация // Вопросы языкового родства. 2009. № 1. с. 49 – 68.
3. Иванов Вяч. Вс. Генеалогическая классификация языков // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 93 – 98.
4. Biggs B., Clark R. POLLEX (Polynesian Comparative Lexical Files). University of Auckland, 2000. (Computer files.)
5. Dordillon, René Ildefonse. Grammaire et dictionnaire de la langue des Iles Marquises, Marquisien-Français. Paris: Institut d'Ethnologie, 1931. 448 p.
6. Elbert S. H. Internal relationship of Polynesian languages and dialects. Southwestern Journal of Anthropology. 1953. 9. pp. 147-173.
7. Elbert S. H. Lexical Diffusion in Polynesia and the Marquesan-Hawaiian Relationship // Journal of the Polynesian Society. 91. 1982. pp. 499 – 517.

8. Green R. Linguistic subgrouping within Polynesia: the implications for prehistoric settlement // *Journal of the Polynesian society*. 1966. vol. 75. pp. 6 – 38.
9. Hau'ofa E. Our Sea of Islands // E. Waddell et al. (eds.) *A New Oceania*. Suva: U. of South Pacific, 1993. pp. 2 – 16.
10. Kawainui Kane H. A Canoe Helps Hawaii Recapture Her Past // *National Geographic*. April. 1976. pp. 468 – 489.
11. Levison M. H., Ward G., Webb J. W. *The Settlement of Polynesia: A Computer Simulation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1973. viii + 137. p.
12. Lynch J., Ross M., Crowley T. *The Oceanic Languages*. Richmond: Curzon Press. 2002. vii + 924 p.
13. Marck J. *Topics in Polynesian Language and Culture History*. Canberra: Pacific Linguistics. 2000. 281 p.
14. Pawley A. Grammatical reconstruction and change in Polynesia and Fiji // S.A. Wurm and D.C. Laycock (eds), *Pacific Linguistic Studies in Honour of Arthur Capell*. Canberra: Pacific Linguistics. 1970. pp. 301-367.
15. Pukui M. K., Elbert S. H., *Hawaiian dictionary: Hawaiian–English, English–Hawaiian*. Honolulu: University of Hawaii Press. 1971. 572 p.
16. Sharp A. *Ancient Voyagers in the Pacific*. Wellington: Polynesian Society, 1956. 191 p.